

общественнымъ и государственнымъ. Вся история со временеми императорского Рима и появленія христіанства есть переживаемая нами и теперь исторія замѣны государственного жизнепониманія божескимъ. Вотъ это-то послѣднее жизнепониманіе и основанное на немъ христіанское учение, руководящее всей нашей жизнью и лежащее въ основѣ всей нашей дѣятельности, какъ практической такъ и научной, люди мнимой науки, рассматривая его только по его внѣшнимъ признакамъ, признаютъ чѣмъ-то отжившимъ и не имѣющимъ для насъ значенія".

Итакъ христіанство, которое Толстой называлъ сначала жизнепониманіемъ, теперь уже не есть жизнепониманіе; оно уже есть нечто отдѣльное отъ него; оно только основано на немъ, т. е., есть лишь практической выводъ изъ него, какъ и наша научная дѣятельность... Какая путаница понятій! Какая масса противорѣчій!

Толстой, конечно, еще самъ недостаточно уяснилъ себѣ ту мысль, которую онъ выдаетъ за неприложную истину и которую, въ качествѣ новаго открытия, онъ возвѣщаетъ теперь „людямъ науки“. Простыя слѣдствія онъ принялъ за причины, явленія, встрѣчающіяся въ человѣческой жизни,—за ея непреложный законъ. Вотъ почему онъ и утверждаетъ, что такъ называемое личное или животное „жизнепониманіе“ продолжалось и закончилось исторіей Рима,—какъ будтобы теперь его нѣть! Съ появленія христіанства господствуетъ общественное или языческое жизнепониманіе; какъ будтобы до появленія христіанства человѣкъ никогда не сознавалъ себя живымъ членомъ общества ни въ Греціи, ни въ Римѣ, ни въ іудействѣ, ни въ Египтѣ! Толстой не предложилъ себѣ вопроса: чѣмъ объясняется существование этихъ видовъ жизнепониманія? Откуда они вытекли и почему господствуетъ во всякое данное время только одно изъ нихъ, не уничтожая остальныхъ? Если бы Толстой своевременно задалъ себѣ эти вопросы, рѣшеніе ихъ, быть можетъ, привело бы его къ уясненію того всеобщаго закона жизни, который сообщаетъ основной характеръ всѣмъ явленіямъ, которыхъ Толстой принялъ за самый законъ и на основаніи которыхъ онъ построилъ свою теорію „жизнепониманій“.